

Философия и психология риска

DOI: 10.37005/2687-0231-2020-0-5-3-9

УДК 304.9

М. П. Король

Постсоветская Россия

в модальности «общества травмы»: критические аспекты

Аннотация:

Социокультурная реальность современной России рассматривается через призму комплекса характеристик «общества травмы». Поиск путей выхода из состояния общества травмы подводит к осмыслению феномена социального государства, которое призвано регулировать дистанции, находить баланс справедливости, формировать пространство человека как достойное жизни. Тем самым раскрывается гуманистическая сущность социального государства, основанного на взаимной ответственности власти, общества и отдельного человека. Устанавливается, что преодоление противоречий между закрепленными правами и их реальной реализацией – основа решения проблем функционирования социального государства, а тем самым и выхода из состояния общества травмы.

Ключевые слова: постсоветская Россия, «общество травмы», реформы, приватизация, элита, социальное государство

Об авторе: Король Марина Петровна, кандидат философских наук, Государственный университет «Дубна», доцент кафедры социологии и гуманитарных наук факультета социальных и гуманитарных наук; эл. почта: marina.korol4@gmail.com

Современная социальная реальность выступает своеобразным «Монбланом фактов», массив которых подлежит научной рефлексии, что позволяет ученым, используя разнообразные методологические процедуры, раскрывать причины изучаемых явлений, выражать различные способы понимания событий и процессов. Тем самым формируется социальный дискурс как «пестрое мозаичное панно, отражающее различные по величине,

цветовой гамме, конфигурации составляющие» [6, с. 3]. Надо заметить, что при всем многообразии концептуальных схем в теоретической организации материала сохраняется определенная устойчивость, в которой немаловажную роль играет единый понятийный словарь как средство выражения идей и продуктивной научной коммуникации. Безусловно, понятийный аппарат усложняется и дифференцируется вследствие многих причин. Так, например, развитие науки, в ее междисциплинарном измерении, открывает возможность социальным наукам ассимилировать понятийный аппарат естествознания, наполняя его новыми смыслами.

Кроме того, поскольку современная социальная реальность обладает крайним динамизмом, возрастающей скоростью изменений, которые приводят к глубинным изменениям в базовых инфраструктурах общества, к появлению новых феноменов, не имеющих корней в прошлом, это оставляет за учеными «право на терминологическую новацию» [8, с. 4].

К такой терминологической новации, которая стала методологическим инструментарием для объяснения социальных контекстов конца XX – начала XXI вв., можно отнести понятие «общество травмы». Данный конструкт характеризует не столько динамику общественного развития, сколько состояние общества. «Общество травмы», введенное в социологическую теорию Ж. Т. Тощенко [9], наряду с такими емкими метафорами, как «социология жизни», «парадоксальный человек», «кентавр-проблема», «фантомы общества», позволяет высвечивать критические аспекты жизни российского общества.

Следует заметить, что в социологии первыми обратились к понятию «травма» (от греч. trauma - повреждение организма, вызванное внешним воздействием) такие ученые как Дж. Александер и П. Штомпка. Поскольку термины могут быть полисемичны, то в интерпретации Дж. Александера понятие травмы рассматривалось в контексте Холокоста [1], где травма – страдания, беспомощных людей, не имеющих возможности противостоять адской машине уничтожения. П. Штомпка использовал понятие травмы для обозначения и лучшего понимания негативных последствий социальных изменений, в частности, социально-психологического состоянию общества, переходного из социализма к капитализму [11], трактуя это состояние как культурную травму.

«Общество травмы» - более обширная метафора по сравнению с «культурной травмой». Смысловое значение общества травмы раскрывается через комплекс характеристик, формируя параметры восприятия и осмысления эмпирического материала:

- в обществах травмы происходит потеря и даже откат от тех экономических рубежей, которыми обладали эти страны до вступления на путь изменения вектора своего развития;
- в обществах травмы произошел неоправданный и необъяснимый с точки зрения не только теории, но и здравого смысла рост социального неравенства;
- особую роль приобретает деятельность политических и экономических факторов, ведущая к непрогнозируемым эффектам вследствие несогласованности и противоречивости их действий, олицетворяющих сугубо корпоративные и групповые эгоистические интересы;
- обществу травмы присущи отсутствие стратегических целей развития, хаотичность действий, неспособность мобилизовать активные силы для реализации программы действий и преодоления деструктивных изменений;
- у общества травмы отсутствуют ясная стратегия и понимание перспектив развития [9].

Попытаемся через призму данных характеристик рассмотреть социальную реальность современной России, которая сложилась на основе макросдвигов крушения структур социалистической системы в 90-е гг. XX в.

Итак, для рассмотрения первой характеристики используем Индекс человеческого развития (ИЧР) — это интегральный показатель, которым измеряются достижения страны с точки зрения состояния здоровья, получения образования и фактического дохода её граждан. ИЧР является стандартным инструментом при общем сравнении уровня жизни различных стран и регионов, и Генеральная Ассамблея ООН признает его как независимый интеллектуальный инструмент повышения осведомленности о человеческом развитии во всем мире.

В конце 1980-х гг., когда в нашей стране началась «перестройка», сопряженная с радикальными реформами и поисками путей перехода к рынку, общество испытывало большие экономические трудности. Но даже в этот сложный период Россия входила по ИЧР в группу высокоразвитых стран, правда, находясь ближе к концу соответствующего списка. За 90-е гг. реформ она из этого списка выбыла, сместившись с 52 на 72 место,

«закрепившись» на нем вплоть до 2000 г. В Отчете развития человечества за 2018 г. Россия занимает 49 место [12].

Вторая характеристика о социальном неравенстве высвечивается через анализ социальной структуры, которая сложилась в России вследствие «неудачного дизайна российской приватизации» [5, с. 46].

Очевидный факт, что абсолютное равенство невозможно, да и не нужно, поскольку умеренная социально-экономическая дифференциация мотивирует представителей групп населения с низкими доходами к стремлению продвижения вверх по социальной лестнице, оказывая положительное влияние на развитие общества. Однако реализованная модель приватизации в ходе реформ Ельцина – Гайдара имела своим следствием стремительное расслоение общества, где привилегированное меньшинство оказалось открыто богатым, о чем свидетельствуют цифры, приводимые в публикациях ряда ученых: «47% жителей нашей страны имеют доход, на который, по их оценкам, жить трудно или очень трудно. Такого масштаба неблагополучия нет ни в одной из стран, участвующих в опросе (от 28% в Чехии до 5% в Норвегии)» [3, с.14]. А вот по числу долларовых миллиардеров, Россия стабильно находится в группе стран-лидеров. В этой связи необходимо подчеркнуть, что «широкой публике не известны примеры крупных состояний, образованных на основе прорывных инноваций. Формирование этих состояний, притом в рекордные по историческим меркам сроки, объяснимо главным образом с учетом предпочтений в распределении государственной собственности и доходов» [4, с. 77].

Третью характеристику о несогласованности и противоречивости действий элит, которые связаны с их эгоистическими интересами, можно обосновать неоднородной структурой российской элиты, которая складывалась в переходный период от социализма к капитализму. В традиционные элиты, сформированные еще в советский период, такие как военная, спецслужбы, быстро интегрировалась финансовая олигархия, которая открыто стала претендовать на политическую власть. С течением времени, каналы обновления элиты были тромбированы отсутствием системы естественного конкурентного отбора, пронизанностью родственными отношениями, что придало ей кланово-сетевой характер.

Кроме того, неумение различных элитных групп искать компромиссы в решении государственных проблем, отсутствие у многих из них приоритета этических норм общественного блага над личными интересами, патронажные практики порождали в обществе недоверие к власти.

Эскиз образа российской элиты помогает понять, почему у российского общества (как общества травмы) отсутствуют ясная стратегия и понимание перспектив развития. Большинство россиян критично настроены относительно достижений в области демократических прав, свобод и экономической ситуации. Эти представления, разделяемые большинством населения, формируют национальный опыт, существенно влияя на отношение людей к текущим событиям, что подтверждается опросом, проведенным ИС ФНИСЦ РАН «Динамика социальной трансформации современной России в социально-экономическом, политическом, социокультурном и этнорелигиозном контекстах» (октябрь 2017 г.). Были опрошены 4000 россиян в возрасте от 18 лет и старше, жители всех типов поселений и территориально-экономических районов РФ, представлявшие основные социально-профессиональные группы населения. Как показал опрос, «в восприятии потерь постсоветского общества россияне едины: и относительные, и абсолютные потери видятся одинаково вне зависимости от возраста» [7, с. 37].

Со времен «Левиафана» Т. Гоббса оформилось представление о том, что для сохранения своих жизней и наступления мира люди заключают общественный договор, делегировав свои права тому, кто установит мир и безопасность – Левиафану. Имя библейского чудовища Т. Гоббс использовал для образа могущественного государства как гаранта мира и безопасности. Если политическая элита в лице государства не только декларирует, но культивирует демократические принципы, то гарантом мира и безопасности служит Конституция. Однако анализ текущих событий последних десятилетий приводит к мысли о том, что государство не только перестало играть роль защитника и стража порядка, но стало одним из агентов, «которые совместными усилиями возводят незащищенность, неопределенность и ненадежность в ранг перманентных условий человеческого существования» [2, с. 35]. По сути, процессы модернизации, начатые в 90-е гг. XX в., весьма относительно приблизили российское общество к модели социального государства, принципы которого имеют нормативный статус и закреплены в статье 7 Конституции РФ.

Данная модель призвана создать условия для взаимной ответственности государства, бизнеса и гражданского общества за развитие социальной сферы, гарантируя социальную защиту, благополучие, достоинство, процветание граждан. Это сделало бы возможным «преодоление с одной стороны, недостатков капитализма в сфере обеспечения

социальной справедливости, а с другой стороны, недостатков социализма в сфере предоставления свободы» [10, с. 5].

Можно предположить, что преодоление противоречий между декларируемыми нормами и их реальной наполненностью –направление в решении проблемы создания социального государства, а тем самым и выхода из состояния общества травмы.

Если рассматривать историю России в формате синергетической парадигмы, с принципами нелинейности, многовариативности, возможности выбора оптимального пути, то ее путь преломляется множеством точек бифуркации, когда приобретает новое качество в движении динамической системы. Остается надеяться на то, что события января 2020 г. стали именно той самой точкой бифуркации, открывающей новую социально-политическую траекторию в преодолении противоречий между декларируемыми нормами и их реальной наполненностью, т.е. в возможности найти выход из состояния общества травмы. Ведь надежда на лучшее — это самая традиционная ценность российского общества.

Библиографический список:

1. Александер Дж. Смыслы социальной жизни: культуросоциология. М.: «Праксис», 2013. 640 с.
2. Бауман З. Ретротопия / пер. с англ. В. Л. Силаевой; под науч. ред. О. А. Оберемко. М.: ВЦИОМ, 2019. 160 с. (Серия «CrossRoads»).
3. Беляева Л.А. Социальное государство в современной России: ожидания и реальность // Вопросы философии. 2019. № 11. С. 11-16. DOI: 10.31857/S004287440007345-4
4. Власов Ф. Необходимость и пути гармонизации социально-экономических отношений в России // Общество и экономика. 2018. №6. С.75-94. DOI: 10.7868/S0207367618060055
5. Григорьев Л., Курдин А. Нерешенный вопрос легитимности частной собственности в России // Вопросы экономики. 2016. № 1. С. 36-62.
6. Зборовский Г.Е. Метaparадигмальная модель теоретической социологии // Социологические исследования. 2008. №4. С. 3-15.
7. Латова Н.В. Достижения и потери постсоветской трансформации // Социологические исследования. 2018. № 11. С. 27-39. DOI: 10.31857/S013216250002783-4
8. Подвойский Д.Г. Языки социологии: многоголосие или какофония? // Социологические исследования. 2011. № 5. С. 3-9.
9. Тощенко Ж.Т. Травма как деформация эволюционного и революционного развития общества (опыт социологического теоретизирования) // Социологические исследования. 2017. № 4. С. 16-26.
10. Федотова В.Г. Социальное государство и хорошее общество // Вопросы философии. 2019. № 11. С. 5-10. DOI: 10.31857/S004287440007344-3
11. Штомпка П. Социальное изменение как травма // Социологические исследования. 2001. № 1. С. 6-16.
12. Human Development Indices and Indicators 2018 Statistical Update [Electronic resource].

URL: http://hdr.undp.org/sites/default/files/2018_human_development_statistical_update.pdf
(Access: 03.04.2019).

Korol M.P. **Post-Soviet Russia in the “society of trauma” modality: critical aspects**

The socio-cultural reality of modern Russia is considered through the lens of the complex of characteristics of the “society of trauma”. The search for ways to get out of the “society of trauma” leads to an understanding of the phenomenon of the social state, which is intended to regulate social distances, to find a balance of justice, shape a person’s space as worthy of life. This reveals the humanistic essence of the social state.

Keywords: post-Soviet Russia, “society of trauma”, reforms, privatization, elite, welfare state